

Три бесѣды епархіальнаго миссіонера, священника Павла Шалкинскаго, съ безпоповскимъ начетчикомъ Н. Е. Шаровымъ, веденныя въ с. Чадаевкѣ, Кузнецкаго уѣзда, 25, 26 и 27 мая 1898 года.

Давно уже чадаевскіе старообрядцы желали послушать публичныя бесѣды своихъ, самыхъ, по ихъ мнѣнію, сильныхъ начетчиковъ съ православными миссіонерами; неоднократно, во время посѣщеній миссіонеромъ о. Шалкинскимъ ихъ селенія, пробовали они вызвать своихъ начетчиковъ на собесѣдованіе, но послѣдніе уклонялись отъ собесѣдованій то недосугами, то другими какими либо случайными обстоятельствами, и миссіонеру всегда приходилось ограничиваться бесѣдами только съ мѣстными ихъ коноводами; но эти послѣдніе всегда сознавали публично свою слабость и не могли обстоять какой либо намѣченный предметъ, чѣмъ и уронили свой авторитетъ въ глазахъ своихъ пасомыхъ. Многіе изъ старообрядцевъ, вслѣдствіе миссіонерскихъ бесѣдъ, перешли въ православіе, и многіе намѣреваются перейти. За послѣдніе 3—4 года раскольничьи коноводы с. Чадаевки, какъ и другихъ сель, не стали являться на миссіонерскія собесѣдованія, видя по опыту, что бесѣды эти унижаютъ ихъ, ослабляютъ авторитетъ ихъ и уменьшаютъ ихъ паству. Между тѣмъ православные и нѣкоторые обратившіеся изъ раскола, наслушавшись миссіонерскихъ бесѣдъ и запомнивъ нѣкоторые тексты св. писанія и старопечатныхъ книгъ, не даютъ хода раскольникамъ, поражаютъ ихъ и укоряютъ въ незаконности отдѣленія ихъ отъ церкви, чѣмъ возмущаютъ и послѣднихъ овецъ раскольнической паствы. У раскольничьихъ наставниковъ, когда требовали ихъ на собесѣдованія, всегда былъ одинъ отвѣтъ: „мы не начетчики; пусть попробуетъ миссіонеръ — побесѣдуетъ съ нашими

начетчиками“. Православные же говорили раскольникамъ, что если ваши наставники не знаютъ священнаго Писанія и не могутъ оправдать себя предъ миссіонеромъ, то они не должны ратовать и противъ церкви, не должны руководить и вами, ибо они слѣпцы, и вы не должны имъ послѣдовать, ибо *слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ* (Матѳ. гл. 15, ст. 14—зач. 61). Такимъ образомъ православные брали верхъ надъ раскольниками и дѣлали ихъ безотвѣтными. Одинъ крестьянинъ богачъ, Антонъ Ивановъ Осиповъ, былъ главнымъ правилою въ безпоповствѣ, присоединился къ православію и многихъ изъ своихъ одновѣрцевъ привлекъ за собою въ св. церковь, а поколебаль рѣшительно всѣхъ. И вотъ, въ настоящее время, раскольничьи вожаки, видя въ своихъ прихожанахъ упадокъ вѣры въ старообрядчество, рѣшили открыть еще публичную бесѣду въ своемъ селѣ Чадаевкѣ, вызвавъ для этого главныхъ своихъ начетчиковъ, пензенскаго Лопатина и саратовскаго Шарова, о чемъ и заявили своему приходскому священнику, о. Раевскому, прося его вызвать и православнаго миссіонера. Время собесѣдованій назначено было на 21, 22 и 23 числа мая, потому что въ это время въ с. Чадаевкѣ бываетъ ярмарка, и народа съѣзжается со всѣхъ сторонъ очень много.

Раскольники тотчасъ же послали Шарову письмо съ приложеніемъ, прося его пріѣхать къ означенному времени и обѣщая даже увеличить приложеніе, если только пріѣдетъ. О. Благочинный Раевскій, также, письмомъ отъ 1 мая, сообщилъ миссіонеру о. Шалкинскому о времени бесѣды и просилъ его пріѣхать и побесѣдовать съ начетчиками. Письмо о. Раевского получено было о. Шалкинскимъ въ то время, когда онъ собирался ѣхать въ сс. Лебежайку и Чувашскую Кулатку, Хвалынскаго уѣзда, по экстренному дѣлу, а потому о. Шалкинскій отвѣтилъ о. Раевскому, что уѣзжаетъ въ названныя села, а когда

возвратится-неизвѣстно. О. Раевскій вынужденъ былъ попросить пензенскаго миссіонера о. Попова, который далъ обѣщаніе пріѣхать, если только въ это время будетъ свободенъ. Между тѣмъ о. Шалкинскій возвратился изъ Хвалынскаго уѣзда раньше, чѣмъ предполагалъ, и 20 мая въ Чадаевку пріѣхалъ. Такимъ образомъ 20 мая прибыли въ с. Чадаевку двое миссіонеровъ: саратовскій и пензенскій.

Но что происходило среди раскольниковъ? Когда прибыли, одинъ за другимъ, православные миссіонеры, прибылъ и изъ пензенской губерніи раскольнической начетчикъ Лопатинъ, Шарова еще не было, не смотря на то, что деньги на выѣздъ онъ получилъ заблаговременно. Миссіонеръ Шалкинскій 21 числа назначилъ первую бесѣду, но Лопатинъ отказался, во первыхъ, потому, что не пріѣхалъ Шаровъ, а во вторыхъ, потому, что не привезъ съ собою нужныхъ ему для собесѣдованія книгъ, надѣясь, что привезетъ ихъ Шаровъ. Лопатину было сообщено, что книгъ у миссіонера, какихъ угодно, достаточно. Лопатинъ отвѣчалъ, что онъ по чужимъ книгамъ бесѣдовать не можетъ. За этими переговорами 21 числа такъ бесѣда и не состоялась: миссіонеры ограничились только частною бесѣдою съ отдѣльными личностями въ домъ священника. Раскольники ждали Шарова 22 числа на утреннемъ поѣздѣ, но онъ опять не пріѣхалъ. Этотъ день опять также прошелъ въ переговорахъ миссіонеровъ съ раскольниками, именно: раскольники принуждали Лопатина бесѣдовать, но онъ отказывался и потомъ, избравъ изъ среды раскольниковъ депутацію, прислалъ къ миссіонерамъ съ просьбою, чтобы они отдали ему всѣ полемическія книги въ его квартиру для предварительнаго просмотра. Миссіонеры, конечно, выдать книги Лопатину на домъ не согласились, а предложили придти на собесѣдованіе и читать изъ книгъ, что ему будетъ угодно.

Лопатинъ прислалъ другую Депутацію изъ лицъ административныхъ, именно: волостного старшину А. Я. Скрябнева (австріецъ), церковнаго старосту А. И. Осипова и хозяина, гдѣ квартировалъ Лопатинъ, Ф. И. Шаблинова, которые просили о томъ же, т. е. выдать Лопатину книги въ его квартиру; но имъ было объяснено, что книги выдать никакъ нельзя. Шаблиновъ, послѣдователь Лопатина, сказалъ: если книги не выдадутъ, то и бесѣда не состоится. Чтобы не разстроить бесѣду, миссіонеры предложили Лопатину заняться разсмотрѣніемъ книгъ не въ его квартирѣ, гдѣ онъ можетъ собрать массу народа, а въ церковной сторожкѣ или въ домѣ церковнаго старосты, и разсматривать одному безъ постороннихъ лицъ. Получивъ такое сообщеніе, Лопатинъ задумался и не зналъ, что ему дѣлать: ему хотѣлось заняться и при постороннихъ лицахъ, и чтобы имъ предварительно внушить свои неправильныя выводы и толкованія, чѣмъ и подготовить благонадежную почву къ собесѣдованію. Но миссіонеры и этотъ его планъ разрушили въ концѣ. Но между тѣмъ ожиданія приѣзда Шарова на вечернемъ поѣздѣ опять не оправдались: поѣздъ пришелъ, а Шарова нѣтъ. Что же оставалось дѣлать Лопатину? Онъ рѣшилъ пуститься на обманъ, хотѣлъ ѣхать домой какъ бы за своими книгами, а потомъ не возвратиться оттуда. Раискольниковики собрали было пять рублей денегъ на дорогу ему, а потомъ, одумавшись, не пустили его, а назначили ѣхать за книгами чадаевского крестьянина. Видя, что и здѣсь уловка его не увѣнчалась успѣхомъ, Лопатинъ посоветовалъ послать уже не за книгами, а за Шаровымъ, признавшись старообрядцамъ, что онъ одинъ бесѣдовать боится. Такъ и сдѣлали; собравъ денегъ порядочную сумму, послали за Шаровымъ, который и приѣхалъ въ Чадаевку 25 числа мая утромъ. Онъ это увидѣвъ, тотчасъ

Прибывъ въ Чадаевку, Шаровъ тотчасъ же прислалъ миссіонерамъ условія бесѣды въ слѣдующихъ пунктахъ: 25 мая бесѣдовать о перстосложеніи и о клятвахъ соборовъ 1656, 1666 и 1667 годовъ и о порицаніяхъ полемическихкихъ книгъ; 26 мая—о поливательномъ окрещеніи; 27 мая—о составѣ созданной Господомъ церкви и о вѣчности ея. При этомъ онъ просилъ миссіонеровъ подписать условія, что и было исполнено миссіонерами.

Первая бесѣда.

Въ 12 часовъ дня открыта была первая бесѣда, на открытомъ воздухѣ, въ церковной оградѣ, пѣніемъ „Царю небесный“. Въ началѣ бесѣды о. Шалкинскій сказалъ краткую вступительную рѣчь, въ которой выяснилъ, что старообрядцы не столько заботятся о догматахъ вѣры православной, сколько объ обрядахъ и обычаяхъ, о клятвахъ и порицаніяхъ, а какъ это видно изъ условныхъ пунктовъ, написанныхъ Шаровымъ, ибо онъ на первомъ планѣ поставилъ вопросъ о перстоложеніи и о клятвахъ, а не о догматахъ вѣры и нед церкви, созданной Богомъ; вопросъ о церкви онъ отодвинулъ на задній планъ, поставивъ его послѣднимъ. Потомъ о. Шалкинскій поставилъ слѣдующій вопросъ: „Что составляетъ перстосложеніе—догматъ-лицъ вѣры, или простой обычай и обрядъ?“ И поставивъ этотъ вопросъ, требовалъ отвѣчать прямо, неуклоняясь въ посторонніе предметы.

Шаровъ: Добрые слушатели! о миссіонеры сводить двоеперстное сложеніе въ обычай и обрядъ, но жестоко ошибается онъ; нѣтъ, двоеперстное сложеніе есть догматъ вѣры православной. Св. Василій Великій говоритъ такъ: „Изъ сохраненныхъ въ церкви догматовъ и проповѣданій нѣкоторые мы имѣемъ отъ письменнаго наставленія, а нѣкоторые пріяли отъ апостольскаго преданія, по преемству въ тайнѣ, и тѣ и другіе имѣютъ одну и ту же

силу для благочестія. И сему не воспрекословить никто, хотя мало свѣдующій въ установленіяхъ церковныхъ“. Причитавъ это, Шаровъ сказалъ: вотъ видите, добрые слушатели, здѣсь прямо говорится о догматѣ, а не объ обрядѣ и обычаѣ, а что называется здѣсь догматомъ? — крестное знаменіе, какъ изъ дальнѣйшихъ словъ видно сіе. Въ Стоглавомъ соборѣ въ гл. 31-й сказано о перстосложеніи: „Иже кто не знаменуется двѣма персты, яко же и Христось, да есть проклятъ“. Стало быть, это есть догматъ вѣры, а не обычай и обрядъ, иначе оо. стоглаваго собора не стали бы проклинять. Да и троеперстное сложеніе россійская церковь почитаетъ за догматъ вѣры. Макарій, патріархъ Антиохійскій, говоритъ такъ: „И кто отъ православныхъ христіанъ не творить крестъ тако (трема персты) по преданію восточныя церкви, еже держа сначала вѣры даже до днесъ, есть еретькъ и подражатель арменовъ: и сего ради имамы его отлучена отъ Отца и Сына и Св. Духа и проклята“ (Скрижаль). Вотъ видите, добрые слушатели, сказалъ Шаровъ, Россійская церковь предаетъ клятвѣ не крестящихся тремя персты; слѣдовательно, она почитаетъ троеперстіе за догматъ вѣры, а не за обрядъ или обычай, иначе она противорѣчила бы сама себѣ, ибо она и пишетъ, и устно проповѣдуетъ, что за обычаи и обряды она никого не проклиняетъ, а только за догматы. Да и самъ о. миссіонеръ тоже будетъ говорить, какъ мы скоро услышимъ, что Россійская церковь за обряды и обычаи не проклиняетъ. Мы кончаемъ и послушаемъ, что будетъ говорить о. миссіонеръ. Сказавъ это, Шаровъ замолчалъ. Раскольники, вздохнувъ, всѣ перекрестились.

Миссіонеръ началъ такъ: Уважаемые слушатели! Вамъ, конечно, извѣстно, что г. Шаровъ самъ написалъ условія бесѣды и назначилъ первую бесѣду о перстосложеніи, но не успѣлъ еще коснуться этого предмета, какъ

переходить уже на другой, именно на клятвы и порицанія. Вопросъ поставленъ такой: „что составляетъ перстосложение — догматъ вѣры или простой обычай и обрядъ?“ Шарову этотъ вопросъ, по всей вѣроятности, кажется труднымъ и онъ, какъ бы доказывая, что перстосложение не обрядъ или обычай, а догматъ, — приводитъ клятвы, что бы не замѣтнымъ образомъ уклониться отъ поставленнаго вопроса и перейти на клятвы. Но впередъ скажу, какъ бы ни уклонялся Шаровъ отъ вопроса, я всетаки не перейду на другой предметъ до тѣхъ поръ, пока Шаровъ скажетъ: да или нѣтъ. Правда, Шаровъ сказалъ, что перстосложение не обрядъ, а догматъ вѣры, но онъ сказалъ это голословно, не подтвердивъ ничѣмъ. Приведенныя же имъ свидѣтельства въ подтвержденіе того, что перстосложение — догматъ, говорятъ совершенно противное, — вотъ мы и рассмотримъ это. Прежде всего Шаровъ привелъ 91 правило В. Великаго въ русскомъ переводѣ и прочиталъ только начало правила, а не все правило. Въ началѣ, дѣйствительно говорится о догматѣ и проповѣданіи, и Шаровъ этимъ началомъ правила хочетъ перстосложение поставить на степень догмата; но онъ долженъ знать, что начало правила говоритъ не о перстосложеніи, а о *догматахъ* т. е., о многихъ догматахъ. О какихъ? Въ правилѣ объ этомъ не говорится. О крестномъ же знаменіи въ правилѣ этомъ дальше говорится такъ: „Ибо аще предприимемъ отвергать не писанные *обычаи*, аки не великую имѣющіи силу: то не примѣтно повредимъ Евангелію въ главныхъ предметахъ“. Далѣе объясняется, какіе это обычаи, и между ними упоминается и о крестномъ знаменіи. Слѣдовательно: крестное знаменіе, по правилу 91 Василия Великаго, есть обычай, а не догматъ вѣры. Но здѣсь является опять вопросъ: какое же можетъ быть поврежденіе Евангелію, если мы будемъ отвергать обычаи, установленные цер-

ковію? Вотъ какое: если церковь установила какой либо обычай и приняла его во всеобдержность, а мы, частныя лица, будемъ отвергать его, то мы окажемся ослушниками церкви, а ослушники церкви, по словамъ Спасителя, поставляются какъ язычники и мытари (Мате. гл. 18, ст. 17—зач. 75). Вотъ примѣръ: наша православная церковь приняла въ обдержный обычай троеперстное сложеніе, а частныя лица, старообрядцы, отвергаютъ его и самую церковь хулятъ, — этимъ они повреждаютъ Евангеліе, а потому и являются предъ церковью какъ язычники и мытари. Правило ли каноническое, уставъ ли церковный, обычай ли, или обрядъ какой, — если церковь установила, то она сама только и можетъ отмѣнить и отвергнуть; частныя же лица этого сдѣлать не могутъ безъ поврежденія Евангелія. Такъ и В. Великій крестное знаменіе называетъ обычаемъ и не совѣтуетъ никому отвергать его, дабы не повредить Евангелію. Въ кн. Кормчей въ 90 пр. Василия Великаго говорится: „О неписанныхъ обычаяхъ“. „Многа и велика церковь имать отъ не писаннаго преданія; и первое есть еже вѣрнимъ крестообразно лице знаменати“. Теперь мы видимъ, что по толкованію В. Великаго, крестное знаменіе есть обычай, а не догматъ вѣры. И напрасно Шаровъ ищетъ у него для себя оправданія.

Клятвы же Стоглаваго собора и патріарха Макарія приведены Шаровымъ не для того, чтобы ими доказать, что перстосложеніе есть догматъ вѣры, а не обрядъ, а для того, чтобы перевести миссіонера на вопросъ о клятвахъ и порицаніяхъ. Я теперь не буду разбирать, на кого положены клятва Стоглаваго собора и клятва патріарха Макарія, — объ этомъ у насъ будетъ рѣчь отдѣльно, — а скажу только, что по клятвамъ отличить догматъ отъ обряда нельзя, ибо клятвы полагаются не только за измѣненіе догмата вѣры, но и за всякое прес-

тивленіе власти. Напримѣръ: если я буду учить какого либо работника не радѣть о своемъ хозяйнѣ, то повреждаю ли я этимъ догматомъ вѣры? Конечно, нѣтъ, а между тѣмъ 3 правиломъ Гангрскаго собора проклинаются таковыя. Если бы я сталъ раздавать церковное имѣніе безъ воли епископа, повредилъ ли бы я этимъ догматъ вѣры? Конечно нѣтъ, а между тѣмъ, 8 правиломъ того же сбора проклинаются таковыя. Если бы я былъ дѣвственникъ, а бракъ сталъ бы отвергать,—повредилъ ли бы я этимъ догматъ вѣры? опять нѣтъ; между тѣмъ 9 правиломъ того же сбора проклинаются таковыя. Если бы я сталъ „хулить епископовъ богатства ради“, повредилъ ли бы я этимъ догматъ вѣры? Нѣтъ, а между тѣмъ 33 правиломъ Лаодикійскаго собора таковыя называются еретиками. Таковыхъ примѣровъ я могъ бы привести множество, но достаточно и сихъ. Если Шаровъ признаетъ перстосложеніе за догматъ вѣры по однимъ только клятвамъ, то онъ долженъ признать за догматъ вѣры и тѣ предметы, о которыхъ идетъ рѣчь въ приведенныхъ мною правилахъ. Разобравъ свидѣтельства, приведенныя Шаровымъ, и доказавъ, что они на вопросъ не отвѣчаютъ, я опять ставлю тотъ же вопросъ: „Что составляетъ перстосложеніе—догматъ вѣры или простой обычай и обрядъ“?

Шаровъ, прочитавъ опять 91 прав. В. Великаго, добавилъ: Седьмой всел. соборъ сказалъ: „ихъ же проклятію предаша и мы проклинаемъ, ихъ же извергоша и мы извергаемъ, ихъ же запретиша и мы запрещаемъ, ихъ же отлучиша и мы отлучаемъ“. Эта клятва положена на вѣчныя времена! Ваша Церковь, перемѣнивъ двоеперстіе на троеперстіе, подвергается этой клятвѣ: мало того, что она перемѣнила двуперстіе на троеперстіе, она даже прокляла тѣхъ, которые молятся двуперстно“. Послѣ этого Шаровъ прочиталъ опять клятву п. Макарія и

клятву собора 1667 года, также изъ книги Игнатія Тобольскаго, гдѣ говорится, что двоперстіе есть „злѣбный соблазнъ“ (стр. 106), и изъ книгъ „Жезль“: „Ибо святая восточная церковь новостей не терпитъ, паче же отрѣкаетъ, яко и нынѣ двоперстному сложенію творить“ (возобличеніе 21). Прочитавъ это, Шаровъ сказалъ: „Добрые слушатели! Почто требуетъ отъ насъ о. миссіонеръ доказательствъ о томъ, догмать ли вѣры перстосложеніе, или обрядъ? Развѣ не достаточно для насъ того, что церковь ново-ніконіанская предала двуперстіе клятвѣ? Достаточно, добрые слушатели! Если бы оно было и не догмать, а обрядъ, но вѣдь оно принято было до лѣтъ патріарха Никона, а отъ лѣтъ Никона оно отвержено и проклято. Кому же намъ теперь послѣдовать: той ли церкви, которая приняла, или той, которая прокляла? Сами судите, добрые слушатели, сами возрастъ имѣете, сами понимаете. Сказавъ это, Шаровъ замолчалъ.

Миссіонеръ. Гг. старообрядцы! Вы теперь сами видите, до чего дошелъ вашъ защитникъ; онъ уже представляетъ право вамъ самимъ судить: „сами судите, сами возрастъ имѣете, сами понимаете“ — это его послѣднія слова. Но не подумалъ Шаровъ, что если бы вы могли сами судить, то зачѣмъ бы поѣхали за нимъ, зачѣмъ бы стали тратить по напрасну деньги на вызовъ его? Теперь предоставляется судить вамъ самимъ, а онъ, Шаровъ, не можетъ судить, не можетъ доказать, что перстосложеніе есть догмать вѣры, а не обрядъ или обычай. Онъ прямо говоритъ: „если бы перстосложеніе было и не догмать, а обрядъ, но оно принято было до патр. Никона Церковно“. Вотъ послѣдняя надежда Шарова — удержаться только за это и основаться только на этомъ; но что перстосложеніе не догмать вѣры, а обычай или обрядъ, въ этомъ Шаровъ уже не прекословить. Но твердая ли

эта послѣдняя надежда и основаніе Шарова? опять нѣтъ. Двуперстное сложеніе до патр. Никона существовало въ различныхъ формахъ; но всякую ли форму перстосложенія принимаетъ Шаровъ? Нѣтъ; онъ принимаетъ только одну, а прочіе всѣ отрѣкаетъ. Этимъ самъ онъ показываетъ, что основаніе его не твердое. Но объ этомъ мы поговоримъ послѣ, когда будемъ разсуждать о формахъ перстосложеній, а теперь разсмотримъ свидѣтельства, которые приводилъ Шаровъ.

Прежде всего удивило меня то, что Шаровъ привелъ 1 прав. 7 всел. собора, гдѣ проклинаются всѣ тѣ, которые не послѣдуютъ постановленіямъ всѣхъ 7 всел. и 9 помѣстныхъ соборовъ. Но въ опредѣленіяхъ всѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ о перстосложеніи, догматъ оно или обрядъ, даже и помину нѣтъ. Тамъ установленъ только каноническій, для всѣхъ обязательный, трой церковной жизни, каковаго строя старообрядцы не имѣютъ и имѣть не могутъ, ибо они не имѣютъ той церкви, которую создалъ и утвердилъ Самъ Христосъ. Каноническія правила соборовъ вручены святителямъ, для управленія Церковію, а не простецамъ. Въ предисловіи кн. Кормчей сказано: „Всею силою и всею моцію должны суть Архіепископы и Епископы имѣти стражу о священныхъ канонѣхъ божественныхъ правилъ, поручено бо имъ твердо соблюдать я“ (л. 25). А простецамъ приказано такъ: „Всякъ убо долженъ есть свой чинъ вѣдати, и не творити себѣ пастыря овецъ сый, и глава да не мнится, нога сый: но повиноватися преданному отъ Бога чину, и уши свои отверзати на послушаніе приѣмлющихъ благодать учительскаго словесе. Не вси бо пророцы, и не вси апостоли. Сего ради мѣрстии челоувѣцы да не учать, ни словесъ о заповѣдехъ да не подвизаютъ, тѣмъ самъ учительскій къ себѣ привлачаще“ (6 соб. пр. 64). Седьмой

всел. соборъ все это и утвердилъ. Слѣдовательно, прочитанное 1-е прав. 7 собора падаетъ прямо на моего собесѣдника и на его послѣдователей. Теперь судите сами старообрядцы, вамъ вѣдь Шаровъ предоставилъ судить объ этомъ ясно, что онъ этимъ правиломъ не доказалъ, что перстосложеніе есть догматъ вѣры, а не обрядъ, а доказалъ только клятву на себя и на васъ. Судите, братіе, безпристрастно. Потомъ Шаровъ приводилъ вторично правило 91 Василия Великаго и клятву патр. Макарія; но вѣдь это уже было разобрано и доказано, что Василій Великій крестное знаменіе прямо называетъ обычаемъ, а не догматомъ вѣры. Макарій же патріархъ крестное знаменіе не относитъ ни къ догмату вѣры, ни къ обычаю, а единственно только полагаетъ клятву на противниковъ, что уже отчасти было разсмотрѣно и будетъ еще подробно показано въ своемъ мѣстѣ. А Игнатій Тобольскій назвалъ двуперстіе „злбожнымъ соблазномъ“ только такое, которое казалось ему арменскимъ. Но опять я долженъ сказать, что у насъ вопросъ назначенъ совсѣмъ не объ этомъ, т. е. не о клятвахъ и цорицаніяхъ, а о томъ, „что составляетъ двуперстіе — догматъ вѣры или обрядъ“? Вотъ на это и долженъ бы отвѣтить г. Шаровъ. Но онъ упорно уклоняется отъ вопроса; это и вамъ видно, гг. старообрядцы. Шаровъ приводилъ еще слова изъ книги „Жезль правленія“, но опять не доказалъ того, что требуется вопросомъ: онъ прочиталъ только клятву на двуперстіе, а на какое двуперстіе? Этого не объяснилъ. А между тѣмъ въ томъ „возобличеніи, не много ниже приведенныхъ Шаровымъ словъ говорится: что Церковь отрѣываетъ только то двуперстіе, которое уподобляется арменскому, въ которомъ заключается мысль о неравенствѣ Божественныхъ лицъ Св. Троицы. Изъ сего разбора видно, что Шаровъ приведенными свидѣтельствами только показалъ свою слабость, но не доказалъ, что перстосложе-

ніе есть догмать вѣры неизмѣняемый, а не обрядъ или
обычій, которые подлежатъ измѣненіямъ.
(Продолженіе слѣдуетъ).

Освященіе земской школы въ селѣ Рыбномъ, Камышин- скаго уѣзда.

Въ селѣ Рыбномъ, 18-го ноября минувшаго года, со-
вершено было освященіе ново-выстроенной земской школы.

На освященіе школы прибыли: мѣстный земскій на-
чальникъ Николай Николаевичъ Афанасьевъ, инспекторъ
городскихъ школъ г. Биткинъ, членъ земства отъ духовен-
ства, членъ училищнаго совѣта священникъ Василій Василь-
евичъ Крѣпкогорскій и многіе другіе, а также священники,
приглашенные мѣстнымъ священникомъ о. Леонидовымъ:
Саламатинскій о. Перенѣловъ, Костаревскій о. Бѣляевъ,
Гусельскаго женскаго монастыря, о. Грекуловъ, Николаевскій
о. Милославовъ, діаконъ слободы Ольховки о. Варнаковъ и
иѣвчіе изъ села Каменнаго Брода, которые славятся въ
округѣ своимъ стройнымъ пѣніемъ; много бы пріѣхало и
еще гостей изъ Камышина и селъ, если бы не было
дурнаго пути.

Въ 1 часъ дня, когда все было готово къ освященію,
мѣстный священникъ о. Леонидовъ съ крестнымъ ходомъ,
при звонѣ колоколовъ, направился изъ храма къ нововы-
строенному зданію, на крыльцѣ котораго крестный ходъ и
священника встрѣтилъ земскій начальникъ и благоговѣнно
приложился ко кресту. Съ вѣзданіи крестный ходъ былъ
встрѣченъ пѣніемъ: „Благо есть исповѣдаться Господеви“,
послѣ окончанію котораго и начался положенный молебенъ на
освященіе. Послѣ молебна исполненъ былъ величественный
двухъ-хорный концертъ „съ нами Богъ“, послѣ котораго
мѣстный священникъ о. Леонидовъ сказалъ слово приличное
торжеству. Онъ сказалъ слѣдующее: „при настоящемъ тор-
жествѣ считаю нелишнимъ напомнить здѣсь присутствующимъ